

Релятивист, плюралист, синкретист... Необычный портрет одного философа

ИГОРЬ ДЖОХАДЗЕ

Институт философии РАН, Москва, idzhokhadze@iph.ras.ru

Ключевые слова: Оксана Целищева; Ричард Рорти; аналитическая философия; прагматизм; периодизация; историцизм.

В своей книге Оксана Целищева прослеживает эволюцию воззрений Ричарда Рорти «от резкой критики до признания» аналитической философии в ее диалоге-противостоянии с континентальной традицией. Выступив своего рода дисциплинарным провокатором в «Философии и зеркале природы» (1979), Рорти, по версии Целищевой, к 1990-м годам умерил критический пыл и пришел к некоему «философскому экumenизму». Вывод этот, однако, не укрепляется серьезными аргументами. Сочинения Рорти 1990–2000-х годов не позволяют утверждать, что отношение мыслителя к аналитической философии с течением времени как-то заметно менялось. Американский философ-прагматист критиковал аналитиков за узость теоретических интересов, пренебрежение историей философии, изоляционизм. Лингвистический поворот, по мнению Рорти, оказался полезен лишь тем, что «переориентировал профессиональных философов с проблематики опыта на проблематику языковых практик», позволив «высвободиться из тенет эмпиризма». В тенденциях, характерных для аналитической философии конца

XX — начала XXI века, Рорти усматривал признаки вырождения «онтотеологической» мысли.

Философ-моноидеист, на протяжении 35 лет своей жизни придерживавшийся одной, в сущности, неизменной позиции (антирепрезентационизм, историцизм, критика эмпиристских догм), Рорти, в реконструкции Целищевой, напротив, предстает вечно сомневающимся в себе, колеблющимся между «парадигмами» и традициями мыслителем, глубоко озабоченным проблемой самоидентификации. При этом автор ограничивается почти исключительно метафилософскими рассуждениями (о специфике философии как академической дисциплины, о борьбе факультетов, сообществ и школ) и обсуждением взаимоотношений Рорти с коллегами — аналитическими и континентальными философами. Самое же интересное в его творчестве (от своеобразного дефляционизма до «редескрипции» Гегеля, Фрейда и Дьюи) остается за кадром. История философии здесь фактически подменяется социологией и психологией знания. Для адекватного понимания идей Рорти это мало что дает.

УТЕХ, кто знаком с творчеством Ричарда Рорти, по прочтении книги Оксаны Целищевой, вероятно, останется больше вопросов, чем ответов. Автор прослеживает эволюцию Рорти «от резкой критики до признания» аналитической философии в ее диалог-противостоянии с континентальной традицией. Выступив своего рода дисциплинарным провокатором в «Философии и зеркале природы» (1979), Рорти, по версии Целищевой, к 1990-м годам умерил критический пыл и, после яркого и достаточно продуктивного периода *Sturm und Drang*, пришел к некоему «философскому экуменизму». Он добился желаемого, считает автор, «затмив кумиров аналитической публики. <...> Poleмический задор угас, поскольку в нем уже не было никакого смысла» (234–235). В ту пору профессор Виргинского университета, Рорти в одной из работ назвал себя «маргинальным аналитическим философом». Эта характеристика, говорит Целищева, «вполне оправдывает то, что мы приписываем Рорти в данной книге, *не очень-то отклоняясь от действительного положения дел*» (11. — Курсив мой. — И. Д.).

Целищева начинает с критики коллег — исследователей современной западной философии. Распространенное среди них представление о Рорти как непримиримом враге аналитической традиции, культурном релятивисте и адепте постмодернизма является «результатом невнимательного и зачастую нетерпеливого чтения», утверждает она (51). Пишущие о Рорти, по ее наблюдению, в основном ограничиваются анализом раннего творчества философа, оставляя без внимания его публикации 1990–2000-х годов. Единственное издание, на которое автор при этом ссылается, сборник «Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст» вышел ни много ни мало четверть века назад. Более поздние тексты она игнорирует.

В роли «мальчика для битья» в книге фигурирует Михаил Рыклин (в прошлом сотрудник сектора аналитической антропологии Института философии РАН, знавший Рорти лично и опублико-

Рецензия на книгу: Целищева О. И. Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. — 352 с.

вавший первое русскоязычное интервью с ним в журнале «Логос»¹). Автор книги цитирует Рыклина:

[Рорти стремится лишь] разгрузить философский корабль от балласта представляющихся ему ненужными проблем. В сущности, он предлагает сохранить все, но без оснований².

Такую характеристику прагматизма Рорти Целищева считает «сверхупрощением, которое, если прибегнуть к каламбуру, „в сущности“ ничего не характеризует» (16). Рыклинская интерпретация и схожие с ней трактовки, утверждает она (комментируя дискуссию в ИФ РАН), не схватывают сути воззрений Рорти.

Не ограничиваясь этими замечаниями общего характера, автор знакомит читателя с отдельными высказываниями участников круглого стола 25-летней давности:

Из текстов [Рорти] вымывается проблематика субъекта-основания и объекта-обосновываемого, они приобретают черты лишённой патетики литературы, и притязания Рорти на прагматизм объясняются его желанием привить прагматизм к древу мировой интеллектуальной культуры³.

Данное рассуждение все того же Рыклина, приведенное Целищевой как прямая цитата, действительно, звучит странно. Автор иронично замечает:

Из этого пассажа не очень понятно, что, собственно... «вымывается», как и непонятно то, почему литература должна быть обязательно патетической, и почему представление философских взглядов не может быть литературным (16).

Здесь (как и во многих других местах книги о «маргинальном аналитическом философе») все перевернуто с ног на голову. Ни о каких «притязаниях Рорти на прагматизм» Рыклин не говорил (эта фраза взялась неизвестно откуда), как и не утверждал, что философия не может быть литературной (ровно наоборот). Полная, без купюр и перестановки местами реплик, цитата выглядела бы так:

1. Философия без оснований. Беседа М. Рыклина с Р. Рорти // Логос. 1996. № 8. С. 132–154.
2. Круглый стол в Институте философии РАН с участием Ричарда Рорти // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / Отв. ред. А. Рубцов. М.: Традиция, 1997. С. 88.
3. Там же. С. 87.

Последователь Дьюи и Дэвидсона, Рорти неутомимо прививает прагматизм к древу мировой интеллектуальной культуры. <...> Рорти устанавливает новые правила чтения философских текстов: прежде всего он отрицает за ними способность что-либо обосновывать, всячески историзует их... Из текстов вымывается проблематика субъекта-основания и объекта-обосновываемого, они приобретают черты лишенной патетики литературности. Отсюда более позитивное отношение к Прусту, чем к Ницше, и к Набокову, чем к Хайдеггеру⁴.

Можно не соглашаться с оценками Рыклина (последнее утверждение о Хайдеггере и Ницше я бы считал некорректным). Но прежде чем критиковать оппонента, нужно как минимум понять его мысль и дать возможность читателю или слушателю сделать то же самое.

На протяжении всей книги Целищева демонстрирует исключительно вольное обращение с источниками, включая тексты самого Рорти. Например, в пятой главе, озаглавленной «Релятивист», она рассказывает о том, как американский философ в статье «Томас Кун, скалы и законы физики»⁵ полемизировал с критиком куновского «релятивизма» нобелевским лауреатом по физике Стивеном Вайнбергом. Прагматистская риторика Рорти, направленная против «некомпетентных мнений ученых-естественников о философских проблемах... не вызвала поддержки самого Куна», отмечает автор (187). Спорить с этим, конечно, нельзя: статья Рорти в защиту Куна была опубликована в 1997 году — через год после смерти Куна. Автор, однако, приводит слова самого Рорти: «Кун был смущен моей защитой его». Чтобы понять, как такое возможно, достаточно сверить «цитату» с оригиналом: «Кун *был бы* смущен...» (*would have been embarrassed*)⁶, говорит Рорти, и это все объясняет. Отбросив частицу «бы» и вернув таким способом Куна к жизни, Целищева пускается в пространные рассуждения о вероятных причинах смущения философа, пожелавшего дистанцироваться от «маргинала» Рорти. В частности, она утверждает:

4. Там же. С. 87–88.

5. *Rorty R. Thomas Kuhn, Rocks and the Laws of Physics // Common Knowledge. 1997. Vol. 6. № 1. P. 6–16.*

6. *Idem. Philosophy and Social Hope. Harmondsworth: Penguin Books, 1999. P. 187.*

Защита философов науки от самодовольства ученых-естественников является для Рорти способом отстаивания автономии философии. <...> Удивительно, но этого обстоятельства никто не хочет видеть, а ведь это настоящий разворот в сторону аналитической философии (188–189).

Автор заблуждается. Защищая Куна от Вайнберга и подобных ему критиков, Рорти отстаивает не автономию философии как научной (или квазинаучной) дисциплины, а исключительные права прагматизма и «культурной политики», герменевтики, историцизма. Дисциплинарных границ между философией, публицистикой и наукой Рорти не признает. Сама Целищева в следующей главе отмечает, что подобная культуралистская «крайность» (растворение философии в интеллектуальной истории и беллетристике, стирание границ между дисциплинами и т. д.) нужна Рорти «для демонстрации важного тезиса об отсутствии у философии автономии», ведь «для автономии требуется выделение того, что можно назвать сущностью, но как раз сущность как философская категория полностью отрицается Рорти» (212). О каком же «развороте» к аналитической философии и защите ее автономии может тогда идти речь? Называя себя философом «лишь маргинально „аналитическим“» (*the only marginally „analytical“ kind*), Рорти, вопреки утверждению Целищевой, не делает никаких реверансов «в сторону естественных наук» (187) и сциентистского лобби американских философских департаментов, а напротив, подчеркивает свою *недостаточную* (даже для Томаса Куна, Дэвида Рисмена или Ричарда Сеннета) научность и «аналитичность».

Анализируя шестой, предпоследний этап эволюции Рорти (2002–2004), автор опирается на один-единственный текст — статью «Аналитическая философия и трансформация философии», которая была написана Рорти в 1999 году. Этот историко-философский «анахронизм» Целищева в своей кандидатской диссертации, которая легла в основу книги, объясняет тем обстоятельством, что сам Рорти к моменту публикации работы «не был уверен в своевременности ее появления, в силу ее радикальности». Целищева высказывает предположение, что «особая откровенность» статьи являлась «одной из причин, по которой он (Рорти) „спрятал“ ее в практически недоступном журнале *Stanford Humanity Review*», прекратившем свое существование как раз в год публикации этой самой статьи, то есть в 2000-м. Она отмечает:

Такого рода источники, мало доступные исследователю, ценны полной откровенностью авторов, не заботящихся о возможной критике, и фактически предназначенные для «внутреннего» потребления (244).

Сразу возникает масса вопросов. Если Рорти писал текст для внутреннего потребления (что бы это ни значило), зачем он его отослал в журнал, недоступность которого сильно преувеличивается автором? Откуда Целищевой известно, что Рорти «не был уверен в своевременности появления» этой статьи? У философа, снискавшего репутацию «антиэпистемологического радикала»⁷ и «анархиста»⁸, немало текстов и более откровенных по тону, и куда более острых по содержанию, которые он не стеснялся публиковать. Целищева использует русский перевод «спрятанного» Рорти текста, опубликованный в 2014 году в книге Виталия Целищева «Философский переписчик» (другой перевод, выполненный Александром Юргановым, вышел в 2018 году в «Философском журнале» с разрешения вдовы философа Мэри Варни Рорти). Целищев уведомляет:

Рукопись этой статьи, которая представляет текст... выступления на конференции, мне передал Рорти. Я не смог найти ее опубликованный вариант, и данный перевод основан на рукописи⁹.

Действительно, ни в последнем номере *Stanford Humanities Review* (2000. Vol. 8. № 1), ни в остальных номерах журнала никаких текстов Рорти нет. Откуда же Целищевой известно, что статья была все же опубликована? История почти детективная.

В этом загадочном тексте прагматист и релятивист Рорти, по выражению Целищевой,

...свершает одну из степеней «схождения к иррационализму», утверждая, что существование феномена экзистенциальной трансформации, которая мистична по своей природе... важно для гуманитарных наук (257).

7. West C. *The American Evasion of Philosophy: A Genealogy of Pragmatism*. Madison: University of Wisconsin Press, 1989. P. 207.
8. Szahaj A. *The Limits of Interpretive Anarchy: Rorty, Eco, and Fish* // *The Philosophy of Richard Rorty* / R. E. Auxier, L. E. Hahn (eds). Chicago; La Salle: Open Court, 2010. P. 398.
9. Целищев В. *Философский переписчик: переводы и размышления*. Новосибирск: ОмегаПресс, 2014. С. 263.

Под «экзистенциальной трансформацией» понимается здесь кьеркегоровская метанойя — преобразование личности во Христе. Целищева подозревает Рорти в неискренности: как атеист может апеллировать к мистико-религиозному опыту, пусть даже философски и литературно «нагруженному»? Не риторический ли это прием, хитрая полемическая уступка противникам аналитической философии? (Или же Рорти, наоборот, проговаривается, обнаруживает свою «бессознательную религиозность»?) Но разве для того, чтобы писать о Кьеркегоре, Тертуллиане или апостоле Павле, обязательно быть религиозным автором? В экзистенциальном преображении, являющемся (цитирую Рорти по переводу Юрганова) «результатом особенного, отрешающего, экстатического столкновения»¹⁰ человека с чем-то радикально иным, заставляющим его отказаться от старого взгляда на мир, от унаследованных культурных привычек и предрассудков, *нет ничего мистического*.

Подобного рода столкновение Платон имел с Сократом, Мирандола — с Платоном, Ромео — с Джульеттой, Гитлер — с Вагнером, Куайн — с Карнапом, Гарольд Блум — с Блейком и множество идеалистически настроенных людей — с такими социальными движениями, как марксизм, феминизм, фашизм и борьба за права гомосексуалистов¹¹.

Кьеркегор с его скачком веры — только один из примеров. Религия тут, в сущности, не при чем, и ни в какой мистицизм и иррационализм Рорти не скатывается.

Задача Целищевой показать, что к началу 2000-х годов Рорти становится толерантнее к аналитической философии. Теперь он — «плюралист».

Согласно Рорти, аргументация как прерогатива аналитической философии может играть двоякую роль — сопоставление философских взглядов, чего Рорти не рекомендует делать, и систематизация этих взглядов. Такой подход является откровенно компромиссным в отношении аналитической философии (260).

Здесь автор книги *приписывает* Рорти точку зрения Дэвида Льюиса, которую сам Рорти определенно не разделяет. Льюис (не упомянутый Целищевой) рассуждает о «до-философских

10. *Рорти Р.* Аналитическая и трансформативная философия / Пер. с англ. А. Юрганова // *Философский журнал*. 2018. Т. 11. № 3. С. 12.

11. Там же.

мнениях» (*pre-philosophic opinions*), «упорядочивать» которые, сводя в систему, призвана философия — вместо того чтобы пытаться «опровергать или подтверждать их в какой-либо степени»¹². Это позиция философов-аналитиков, систематиков, антиисторицистов. Им противостоят философы-экзистенциалисты, холисты и контекстуалисты, занятые «рассказыванием историй», расширяющих интеллектуальные горизонты и эксплицирующих новые способы размышления. Это второе («разыгрывание одних конечных словарей против других»¹³, в терминологии Рорти, а в терминологии Целищевой — «сопоставление философских взглядов») есть именно то, что *рекомендует* делать американский философ.

Рорти, гнет свою линию автор книги, «идет на еще один компромисс, говоря об ограничениях историцизма» (261). В чем же усматривает «ограниченность» историцизма Рорти-историцист? Вот отрывок из рассуждения Рорти (в переводе Виталия Целищева), который Целищева приводит в подтверждение своих наблюдений:

Важно, что историцизм имеет... пределы — не каждый способ разговора и мысли ухватывает вещи, не каждая философская проблема может быть кандидатом на терапевтическое рассасывание¹⁴.

Как и в предыдущем случае, Рорти излагает здесь позицию своих оппонентов — аналитических философов, антиисторицистов. *Они* (а не он) утверждают, что не все решает аудитория, что не всякий «словарь» хорош, если полезен как инструмент для достижения чьих-то целей, что не любая теория подлежит редескрипции, терапевтическому «преодолению» (*dissolution*), или снятию. Для ясности процитирую перевод Юрганова:

12. Там же. С. 15.

13. *Rorty R.* Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 78.

14. *Рорти Р.* Аналитическая философия и трансформация философии // Целищев В. Философский переписчик. С. 277.

Существенно важным для этого движения [аналитической философии. — *И. Д.*] является признание, что историзм имеет свои пределы...¹⁵

Как раз в этом-то Рорти с аналитиками и не согласен. Полезны, говорит он, философы-историцисты и ревизионисты, изобретатели новых метафор и «словарей описания», а вовсе не те, кто пытается (по примеру логических эмпиристов) оградить философию от истории, культурной политики и поэзии и поставить ее «на безопасный путь науки»¹⁶. Будущий положительный имидж аналитической философии Рорти связывает с отказом ее практиционеров от этой позиции — не от стремления к обновлению и развитию философского языка, как ошибочно поясняет Целищева (263), а от сциентистских претензий отцов-основателей философской традиции, частично преодоленных в творчестве их продолжателей — позднего Людвига Витгенштейна, Уилларда Куайна, Уилфрида Селларса, аналитических прагматистов, многое сделавших для того, чтобы вернуть философию «на гегельянскую, историцистскую, романтическую стезю»¹⁷. Противопоставление историцизма и антиисторицизма (философов типа Дэвида Льюиса, Бертрانا Рассела или Рудольфа Карнапа и философов типа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, Фридриха Ницше или Мишеля Фуко) — ключевая дихотомия позднего Рорти¹⁸. Никакие компромиссы в этом вопросе для него не приемлемы.

После «плюралистского» (он же «экзистенциально-трансформативный») периода эволюции Рорти следует, по версии Целищевой, седьмой и последний, «синкретистский» этап (примерно 2004–2007). Понять, в чем его отличие от предыдущих этапов, практически невозможно. Высказывания, свидетельствующие о синкретизме Рорти, автор книги извлекает из трех сочинений философа, одно из которых относится к 2004 году, остальные еще более ранние — 1983 и 1998 годов. Эта несообразность Целищевой, кажется, не смущает. В двух словах резюме книги следующее:

15. «*It is essential for this movement that historicism have its limits*» (*Рорти Р.* Аналитическая и трансформативная философия / Пер. с англ. А. Юрганова. С. 15).

16. Там же. С. 16.

17. Там же. С. 18.

18. См.: *Rorty R. Intellectual Autobiography // The Philosophy of Richard Rorty.* Р. 13–14.

разочаровавшись к концу жизни и в метафизике, и в сциентизме, Рорти проходит к «глобальному скептицизму» в отношении как аналитической, так и континентальной традиции. «Все философское предприятие», по его мнению (точнее, по мнению Целищевой, которая транслирует его мысли), «явно находится в неудовлетворительном состоянии» (296–297), в застое — по причине отсутствия «захватывающих картин, таких как у Витгенштейна» (297). Прогресс в философии, излагает автор позицию Рорти, достигается «не кропотливым трудом над исследовательскими программами, а в представлении захватывающих философов картин» (304). Ни Витгенштейн, ни Хайдеггер, ни другие мыслители прошлого и настоящего уже «не захватывают воображения читателей»; интеллектуальная публика, пресытившаяся логическим эмпиризмом, феноменологией, экзистенциализмом и постмодерном, «ожидает Годо», то есть прихода нового философского гения.

Теперь обратимся к оригинальному тексту Рорти и сравним с пересказом Целищевой.

Развитие философии, — говорит он, — происходит не благодаря скрупулезному претворению в жизнь исследовательских программ, которые рано или поздно угасают. Философия движется силой воображения мыслителей-одиночек, подобных Гегелю или Хайдеггеру: они открывают новые перспективы и объясняют нам, что прежде мы находились в плену картины (*tell us that a picture has been holding us captive*¹⁹)²⁰.

О «неудовлетворительном состоянии» западной философии здесь ни слова не сказано. Подчеркивая «роль личности» в интеллектуальной истории и культуре, Рорти делится своим пониманием того, как эта история осуществляется (скачками, от «нормальных» периодов к «революционным», от одной лингвистической парадигмы к другой). Эта тема красной нитью проходит через все творчество Рорти, начиная с первых его работ²¹. Будущее — непредсказуемо. Какой станет философия завтра, зависит от того,

19. «Нас берет в плен картина» (*Витгенштейн Л.* Философские исследования, § 115 // Филос. раб. Ч. 1 / Пер. с нем. М. Козловой, Ю. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 128).

20. *Rorty R.* Philosophy as Cultural Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 146.

21. *Idem.* The Philosopher as Expert // *Idem.* Philosophy and the Mirror of Nature. 30th Anniversary ed. Princeton: Princeton University Press, 2009. P. 414.

«какие идеи рождаются в голове очередного гения»²². Никто не может этого знать *ab ante*. «Гений создает что-то новое, интересное и значительное, а его или ее почитатели образуют школу или движение»²³. Размышления Рорти «полны меланхолии», констатирует Целищева. И находит интересное объяснение: «Рорти был смертельно болен в период написания этих тезисов» (298). Она ошибается. Статья увидела свет в 2004 году в сборнике «Прагматический поворот в философии»²⁴, тогда как о смертельном диагнозе Рорти узнал лишь спустя два года.

Это, к сожалению, не единственная фактическая неточность в книге Целищевой. Знакомя читателя с эпизодами биографии своего героя, она сообщает, что в 1980-е годы Рорти стал «„отшельником“ в академическом мире»: отказавшись от преподавательской деятельности, он «не имел ни студентов, ни аспирантов» (27). Такого, разумеется, не могло быть в принципе. Чем занимался Рорти в Виргинском университете и Стэнфорде? Конечно, преподавал философию. Об этом он сам подробно рассказывает в автобиографическом очерке, опубликованном в 2010 году²⁵.

Книга Целищевой сплошь соткана из неточных цитат, отсылки к неверным источникам и смысловых неувязок, которые автор даже не замечает. В главе «Экуменист», например, очерчивается «горизонт вещей, которые важны с точки зрения Рорти для понимания философии, а именно: искусство, романтическая поэзия, политика, историческое мышление, все то, что аналитическая философия игнорировала, ориентируясь на сухую науку». Поэтому, отмечает автор, и Хайдеггер, который «игнорирует эти вещи», и философы-аналитики, «сходные с ним в этом отношении, стоят „на одной доске“. Это обстоятельство можно считать предтечей философского экуменизма Рорти» (208). Но уже через два абзаца Целищева говорит: «Один из способов описания того, что делает поздний Хайдеггер, состоит в рассмотрении его как поэта среди философов» (209). Как же поэт, хотя бы и «среди философов», может игнорировать романтическую поэзию, ис-

22. *Idem*. Intellectual Autobiography. P. 18.

23. *Idem*. Consequences of Pragmatism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. P. 218.

24. *Idem*. A Pragmatist View of Contemporary Analytic Philosophy // The Pragmatic Turn in Philosophy / W. Egginton, M. Sandbothe (eds). Albany: SUNY Press, 2004. P. 131–144.

25. См.: *Idem*. Intellectual Autobiography. P. 16–17.

торическое мышление, *liberal arts*? (Ремарка Рорти о том, что «европейцы уже давно воспринимают философию как продолжение литературы» (212), относится, вне всяких сомнений, и к Хайдеггеру.) Но дальше мы сталкиваемся с совсем неожиданным утверждением автора, которое окончательно все запутывает: оказывается, где-то «на бессознательном уровне» философия для Рорти все же «ассоциируется с систематической аргументацией» (220), а не с художественным творчеством и поэзией. В этом якобы кроется объяснение скептического отношения Рорти к Жаку Деррида, которого он «не считает оригинальным философом». Лучшим комментарием к последним двум утверждениям будут слова самого Рорти:

Подлинно оригинальным... является такое мышление, которое не столько способствует опровержению или преодолению каких-либо убеждений через демонстрацию их несостоятельности, сколько помогает нам забывать старые убеждения, заменяя их чем-то новым. Страсть к опровержениям для меня — признак неоригинальности, я же слишком высоко ценю оригинальность Деррида, чтобы приписывать ему это качество. Читая его работы, обсуждая их, лучше отбросить понятие «строгой аргументации» ввиду совершенной его бесполезности²⁶.

В главе о «ревизионизме» Рорти Целищева затрагивает вопрос о влиянии на него Мартина Хайдеггера. Отметив, что «„Бытие“ для Хайдеггера является базисной концепцией», она цитирует Рорти:

Причина, по которой Хайдеггер говорит о Бытии, не в том, что он хочет направить наше внимание на различие между исследованием и поэзией, между борьбой за власть и принятием контингентности...²⁷ (113).

Однако в статье «Хайдеггер, случайность и прагматизм» из сборника 1991 года, откуда взята эта цитата (Целищева ошибочно указывает другую книгу Рорти), утверждается прямо противоположное:

26. *Idem*. *Essays on Heidegger and Others*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 121.

27. *Idem*. *The Banality of Pragmatism and the Poetry of Justice // Idem*. *Philosophy and Social Hope*. P. 36.

*The reason Heidegger talks about Being is not that he wants to direct our attention to an unfortunately neglected topic of inquiry, but that he wants to direct our attention to the difference between inquiry and poetry...*²⁸

Несколькими страницами ниже автор вновь «цитирует» Рорти:

...экзистенциализм является наставительной философией, и как всякий наставительный дискурс, он аномален, призванный вытащить нас из нашего старого Я силой непривычности, чтобы помочь нам в становлении новых существ (121).

В этом наборе фраз смущают не «новые существа», в становлении *которых* нам помогает наставительный дискурс (такая уж орфография в переводе «Философии и зеркала природы» Виталия Целищева, единственном, увы, доступном русскоязычному читателю), но упоминание об экзистенциализме как разновидности *edifying philosophy*, которого здесь (у Рорти) нет и в помине. А сказано им следующее: «наставительный дискурс предполагается быть аномальным, призванным вытащить нас из нашего старого Я» и т. д.²⁹

Там, где Рорти рассуждает о перспективах «преодоления существующего разрыва между „аналитической“ и „континентальной“ философией» стараниями мыслителей типа Брэндома и Макдауэлла (*bridging the abyss which presently separates “analytical” from “Continental” philosophy*), Целищева пишет о возможности «углубления пропасти между тем, что отделяет „аналитическое“ от „континентального“ в философии»³⁰ (168). «Сартровский экзистенциалист-марксист» из «После добродетели» Аласдера Макинтайра становится «экзистенциалистом-гуманистом», а книга переименовывается в «После философии» (133, 310). *Phenomenal world* Куна оказывается в переводе Целищевой «феноменологическим миром» (190), *necessary a posteriori statements* Сола Крипке — «необходимыми априорными утверждениями» (195, 201), *quasi-Heideggerian story about the tensions within Platonism* Рорти — «квазигегелевской историей о трениях с платонизмом» (206). Зачем-то автор книги придумывает свои

28. Ibidem.

29. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. Целищева. Новосибирск: НГУ, 1997. С. 266.

30. Цит. по изданию: Целищев В. Философский раскол: логика vs метафизика. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. С. 81.

варианты перевода известных терминов: «различие Хайдеггера между Бытием и бытиями» (*das Sein — das Seiende*), «онтологическая теология» (*Ontotheologie*), «устремление к смерти» (*Sein zum Tode*); и имен: Энди Уоррэл (*Warhol*), Рассел Джекобс (*Jacoby*), Жак Буврайс (*Bouveresse*). Во многих случаях Целищева приписывает Рорти чужие мысли — либо свои собственные (примеры уже приводились), либо других авторов (Корнела Уэста на с. 47, Эдварда Люттвака на с. 235–236).

Автор упрекает российских исследователей Рорти в том, что они «делают основной упор на прагматизме» (25) в ущерб остальным аспектам его философии.

В частности, упускаются из виду его взгляды на аналитическую философию, которая служит ему фоном для формирования системы парадоксальных ревизий философских традиций (42).

Целищева рекомендует при анализе текстов Рорти «оставлять в стороне прагматистские мотивы там, где это возможно», давая понять, что значение прагматизма в его творчестве сильно преувеличено. Какие аргументы приводит автор? По сути, никаких.

Не думаю, что существует противоречие между прагматизмом и религией, — находит она подходящее (как ей кажется) высказывание Рорти. — Уильям Джеймс был автором одновременно двух книг — «Прагматизм» и «Многообразии религиозного опыта»³¹.

По мнению Целищевой, «эта цитата говорит о том, что прагматизм Рорти является достаточно условным, поскольку сам Рорти был откровенно секулярным философом» (36). Неожиданное умозаключение! Разве утверждение « $A \vee B$ » тождественно « $A \rightarrow B$ »? Среди прагматистов есть религиозные люди, но отсюда не следует, что прагматистом не может быть атеист. «Религиозная немужальность» Рорти не делает его принадлежность к традиции Джеймса и Дьюи *условной*.

Составить адекватное представление об идеях Рорти по этой книге читателю будет трудно, ведь автор ограничивается почти исключительно метафилософскими рассуждениями (о специфике философии как академической дисциплины, о борьбе факульте-

31. Круглый стол в Институте философии РАН с участием Ричарда Рорти. С. 68.

тов, сообществ и школ) и обсуждением взаимоотношений Рорти с коллегами — аналитическими и континентальными философами. Самое же интересное в его творчестве (проблематика контингентности, дефляционизм, теория метафоры, интерпретация Гегеля, Фрейда и Дьюи, полемика с Патнэмом и т. д.) остается за кадром. История философии здесь фактически подменяется социологией и психологией знания. Достаточно ли этого «для подлинного понимания философии Рорти» (42)? На примере монографии Целищевой видно, что недостаточно.

А теперь несколько слов о периодизации творчества «маргинального аналитического философа». По мнению Целищевой, Рорти эволюционировал от «полного неприятия» аналитической философии в 1970-е годы до «признания ее полноправной альтернативой в *Философии как культурной политике*» (279). Между тем тексты позднего Рорти, к *внимательному и терпеливому* чтению которых призывает нас автор, не дают основания утверждать, что его отношение к аналитизму с течением времени (1970-е — 2007) как-то заметно менялось. В «Философии как культурной политике» он пишет:

Большая часть возражений аналитических философов против моего и брэндомовского прагматизма связана с тем, что они считают «беседу» чем-то второразрядным и «слабым» в сравнении с научным исследованием. Они считают науку областью культуры, преследующей целью нечто лежащее по ту сторону человеческого. Поэтому мне кажется полезным противопоставить аналитической философии философию «разговорную» (*conversational*). С этой точки зрения аналитическая философия выглядит последним вздохом онтологической традиции³².

Рорти критикует философов-аналитиков за их профессиональный снобизм и изоляционизм, незнание истории философии и узость теоретических интересов. Лингвистический же «поворот», по мнению Рорти, оказался полезен лишь тем, что «переориентировал профессиональных философов с проблематики опыта на проблематику языковых практик, — это помогло им высвободиться из тенет эмпиризма, а говоря шире, репрезентационизма»³³. Обо всем этом и примерно в тех же выражениях Рорти писал и в 1970-е, и в 1980-е, и в 1990-е годы.

32. *Rorty R. Philosophy as Cultural Politics*. P. 68.

33. *Ibid.* P. 160.

С другой стороны, не было никакого «*полного неприятия*» аналитической философии даже в ранний, допрагматистский период творчества Рорти. В предисловии к «Философии и зеркалу природы» он отмечает, что его «терапевтический» подход «паразитирует на конструктивных достижениях» таких философов, как Селларс, Райл, Патнэм. Паразитирует, поясняет Рорти, в том смысле, что у аналитических философов им перенимаются *средства*, технические приемы, но *цели*, достижению которых этот инструментарий служит, заимствуются у других авторов — Витгенштейна, Хайдеггера, Дьюи³⁴. В интервью журналу *Radical Philosophy*, опубликованном в 1982 году, Рорти выражал сожаление, что его первая и самая резонансная книга (где он якобы «сводил счеты» (126) с аналитической философией), была прочитана «как атака» на эту традицию³⁵.

На мой взгляд, общепринятое деление творчества Рорти на два периода — аналитический и прагматистский — является более-менее точным и обоснованным. Водоразделом служит 1972 год (статья «Потерянный мир»³⁶). В пользу этого мнения высказываются Патнэм³⁷, Хабермас³⁸, Уэст³⁹ и ряд других исследователей. Нельзя отрицать, что в 1960-е годы Рорти работал преимущественно в аналитическом «жанре» (изданный уже после его смерти пятый том «Философских сочинений» — «Сознание, язык и метафилософия»⁴⁰ — убедительное тому подтверждение). Нил Гросс, упоминаемый в книге Целищевой, выделяет, фактически, три этапа в эволюции Рорти (но не семь!): *ранний* метафизический, *средний* аналитический и *поздний* прагматистский⁴¹.

34. *Idem*. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton: Princeton University Press, 1979. P. 7.
35. См.: Take Care of Freedom and Truth Will Take Care of Itself: Interviews with Richard Rorty / E. Mendieta (ed.). Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 20.
36. Rorty R. The World Well Lost // Journal of Philosophy. 1972. Vol. 69. № 19. P. 649–665.
37. Putnam H. Richard Rorty // Proceedings of the American Philosophical Society. 2009. Vol. 153. № 2. P. 231.
38. Habermas J. In Memory of Richard Rorty // New Literary History. 2008. Vol. 39. № 1. P. 4.
39. West C. Op. cit. P. 197.
40. Rorty R. Mind, Language and Metaphilosophy: Early Philosophical Papers / S. Leach, J. Tartaglia (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
41. Gross N. Richard Rorty: The Making of an American Philosopher. Chicago: University of Chicago Press, 2008. P. 308.

Сложно, однако, считать «этапом творчества» философа период его ученичества, службы в армии и преподавания в колледже (1946–1961), в течение которого Рорти не опубликовал ни одной серьезной работы. Тем более некорректно дробить интеллектуальную биографию мыслителя на этапы по принципу соответствия или несоответствия отдельных его высказываний, извлекаемых из работ разных лет, некоей изначально заданной схеме интерпретации (какой бы удобной и продуктивной она ни казалась интерпретатору).

В реконструкции Целищевой философ-моноидеист Рорти, на протяжении 35 лет своей жизни придерживавшийся совершенно определенной и, в сущности, неизменной позиции (анти-репрезентационизм, историцизм, критика эмпиристских «догм»), предстает вечно сомневающимся в себе, колеблющимся между «парадигмами» и традициями мыслителем, глубоко озабоченным проблемой самоидентификации. Какое мнение о Рорти и его идеях может сложиться у читателя книги Целищевой? На сайте Томского университета размещены интересные отзывы на ее диссертацию, которые позволяют судить об этом. В одном из них говорится:

Автор рисует яркую картину убогого поверхностного эклектизма американской философии. Творчество Рорти служит при этом наглядным и показательным примером. Хорош философ, который на протяжении жизни 7 раз менял свои взгляды! <...> В диссертации хорошо показано это отсутствие философского стержня, эти метания между самыми разными идеями и взглядами, вся нищета и убогость философии США, которая подпитывалась, в основном, идеями Карнапа, Поппера, Витгенштейна... Подлинный философ может менять проблематику, может переходить от одной области исследований к другой, но стержень его мировоззрения изменяется чрезвычайно редко. У Рорти, как показывает автор, такого стержня нет.

Столь удивительные открытия готовит история философии читателям, привыкшим пользоваться услугами иных толкователей текстов и «переписчиков» и принимающим все, что ни вздумается им сказать или написать, за истину в последней инстанции.

Библиография

- Витгенштейн Л. Философские исследования // Филос. раб. Ч. 1 / Пер. с нем. М. Козловой, Ю. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 128.
- Круглый стол в Институте философии РАН с участием Ричарда Рорти // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / Отв. ред. А. Рубцов. М.: Традиция, 1997.
- Рорти Р. Аналитическая и трансформативная философия / Пер. с англ. А. Юрганова // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3.
- Рорти Р. Аналитическая философия и трансформация философии // Целищев В. Философский переписчик: переводы и размышления. Новосибирск: ОмегаПресс, 2014.
- Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. Целищева. Новосибирск: НГУ, 1997.
- Философия без оснований. Беседа М. Рыклина с Р. Рорти // Логос. 1996. № 8. С. 132–154.
- Целищев В. Философский переписчик: переводы и размышления. Новосибирск: ОмегаПресс, 2014.
- Целищев В. Философский раскол: логика vs метафизика. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021.
- Целищева О. И. Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021.
- Gross N. Richard Rorty: The Making of an American Philosopher. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
- Habermas J. In Memory of Richard Rorty // New Literary History. 2008. Vol. 39. № 1.
- Putnam H. Richard Rorty // Proceedings of the American Philosophical Society. 2009. Vol. 153. № 2.
- Rorty R. A Pragmatist View of Contemporary Analytic Philosophy // The Pragmatic Turn in Philosophy / W. Egginton, M. Sandbothe (eds). Albany: SUNY Press, 2004. P. 131–144.
- Rorty R. Consequences of Pragmatism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982.
- Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Rorty R. Essays on Heidegger and Others. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Rorty R. Intellectual Autobiography // The Philosophy of Richard Rorty / R. E. Auxier, L. E. Hahn (eds). Chicago; La Salle: Open Court, 2010.
- Rorty R. Mind, Language and Metaphilosophy: Early Philosophical Papers / S. Leach, J. Tartaglia (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Rorty R. Philosophy and Social Hope. Harmondsworth: Penguin Books, 1999.
- Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton: Princeton University Press, 1979.
- Rorty R. Philosophy as Cultural Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Rorty R. The Banality of Pragmatism and the Poetry of Justice // Idem. Philosophy and Social Hope. Harmondsworth: Penguin Books, 1999.
- Rorty R. The Philosopher as Expert // Idem. Philosophy and the Mirror of Nature. 30th Anniversary ed. Princeton: Princeton University Press, 2009.
- Rorty R. The World Well Lost // Journal of Philosophy. 1972. Vol. 69. № 19. P. 649–665.

- Rorty R. Thomas Kuhn, Rocks and the Laws of Physics // *Common Knowledge*. 1997. Vol. 6. № 1. P. 6–16.
- Szahaj A. The Limits of Interpretive Anarchy: Rorty, Eco, and Fish // *The Philosophy of Richard Rorty* / R. E. Auxier, L. E. Hahn (eds). Chicago; La Salle: Open Court, 2010.
- Take Care of Freedom and Truth Will Take Care of Itself: Interviews with Richard Rorty / E. Mendieta (ed.). Stanford: Stanford University Press, 2006.
- West C. *The American Evasion of Philosophy: A Genealogy of Pragmatism*. Madison: University of Wisconsin Press, 1989.

RELATIVIST, PLURALIST, SYNCRETIST... AN NON-TRIVIAL PORTRAIT OF THE PHILOSOPHER

IGOR DZHOKHADZE. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, idzhokhadze@iph.ras.ru

Keywords: Oksana Tselishcheva; Richard Rorty; analytic philosophy; pragmatism; periodization; historicism.

In her book, Oksana Tselishcheva traces the evolution of Richard Rorty's views "from sharp criticism to recognition" of the analytic philosophy in its dialogue-confrontation with the continental tradition. Casted himself as a kind of disciplinary provocateur in the *Philosophy and the Mirror of Nature* (1979), Rorty, according to Tselishcheva, mitigated his criticism by the 90s and took a stance of a peculiar "philosophical ecumenism." This author's conclusion, however, is not supported by thorough arguments and evidences. Rorty's writings of the 1990s and 2000s do not allow us to suggest that his attitude towards analytic philosophy has been changing noticeably over time. The American pragmatist criticized analytic philosophers for their theoretical narrowness, underestimation of the history of philosophy, and isolationism. The linguistic turn, according to Rorty, was useful only insofar as it "turned philosophers' attention from the topic of experience toward that of linguistic behavior," allowing them to "break the hold of empiricism." In the current trends and tendencies of the analytic philosophy Rorty traced symptoms of the "ontotheological" tradition's decline.

The monoideistic philosopher, who for 35 years of his life adhered to one essentially unchanged position (anti-representationalism, historicism, criticism of the empiricist dogmas), Rorty is portrayed by Tselishcheva as constantly self-doubting thinker, oscillating between "paradigms" and academic divisions, and deeply concerned with the problem of self-identification. Further, the author confines herself almost exclusively to metaphilosophical reflections (regarding the particularities of philosophy as an academic discipline and the ongoing quarrel between the faculties, communities and schools), as well as discussion of Rorty's relationship with colleagues — analytical and continental philosophers. The most interesting in Rorty (his sui generis deflationism, reinterpretation of Hegel's, Freud's and Dewey's thought etc.) remains behind the scenes. The history of philosophy here is actually replaced by the sociology and psychology of knowledge. For the sake of an adequate understanding of Rorty's ideas, it doesn't do much.

DOI: 10.17323/0869-5377-2023-2-201-219